

За смыслом выйду словно бы за повестью души,
 Не ждите росчерков поэм, мои карандаши,
 Не ждите чуда, ноутбук и марсианский брат,
 Смеются девы невпопад, и допотопный ад

Включает бодрый патефон, в котором мертвецы
 Играют свинг напополам с потомком Лао-Цзы:
 Бренчит рояль, гудит вовсю весёлый контрабас,
 Какой-то искренний поэт поёт весь этот джаз!

И льётся музыка вокруг, и просветляет тьма...
 За смыслом выскользнул за дверь — потёмки и зима...
 И бледнолицый серафим, простывший от тоски,
 На волчьих лапах — почему? Кому-то вопреки?

Луны кишмишевый окрас, Единорог в цвету,
 Душа, спешащая поймать удачу на лету,
 И что-то там... за ВВС и — космосом и Ко...
 Спаситель с бедным фонарём? Застава? Никого?

...Пишу тебе из темноты, из местности NN —
 В который раз? В который снег? В который Карфаген?
 Я должен сделать что? Забыл. Звонок бы другу, но —
 Давно мертвец, а патефон — некрепкое звено.

МУЗЫКА 1599 ГОДА

С музыкой Холборна* в небо,
 В госпиталь ангелов, где
 Справа — внимательный Некто,
 Слева в немой черед
 Те, за которыми музы
 Смотрят: шагай на укол,
 Кушай небесные мюсли,

* Энтони Холборн (1545–1602), английский композитор и музыкант.

С братом веди разговор.
Лучших микстур не найти.
Космосом лечат поэта,
Звёздные дышат пути.
Марсы, Сатурны, кометы,
Жизнь на Венере близка.
От алкоголя — «торпеды»,
От наркоты — облака...
Доктор астрального мира
Вылечит музыкой, чтоб
Баба с косой отпустила
На межпланетный флэшмоб...
Этим подлечимся, Женя,
Чтобы ещё на земле,
Словно в порядке обмена,
В прежней квартире-норе
Стихотворенья всходили
В незаморочных мозгах,
Золото жизни ловили,
Как поцелуи впотьмах.
Я в марсианской больнице —
Связан? Заколот? Забыт?
Мутная родина снится,
Чистая родина спит.

В личном небе я до рассвета буду скитаться
С маленькой лирой, с маленькой книжкой солнца и ветра.
От междометья до Ганимеда не с кем обняться:
Жёлтые звёзды, полная полночь, музыка спектра.
В личном пространстве молодость-старость без сожалений
Я принимаю, что ещё делать? — если по звёздам —
Столько скитаний! И от светила — жёлтые тени
По марсианским строфам и песням, даже по гнёздам
Ангелов света, что в колыбелях: виделось как-то...
В старой одежде — старый кочевник — старый зевака —
В небе сгущённом я проплываю, будто бы яхта:
От междометий до параллелей — местный гуляка.
Маленькой лирой, маленькой книжкой солнца и ветра
Я расплатиться с космосом близким вряд ли сумею.
Знаю немного. Вижу большую... Сколько тут света! —
Тянут возницы, тянет Возничий — Кассиопею.

МОСТ СЕН-МИШЕЛЬ

Кепарь вместо нимба на старой башке
И нечто в ушах, чтобы вникнуть
В Рембо: подключиться к весёлой тоске,
Знакомые строфы окликнуть.
Я что-то хотел подсказать сам себе,
Запутался в беглых глаголах,
Как будто в смешной и обманной судьбе,
В своих существительных голых.

Плюс 30 в безоблачном полдне. Жара
Стоит парадизом по-галльски,
В который иголки вгоняет хандра,
Чтоб выхватить ключик кастальский.
Стою на мосту, где однажды Фролло
Фебá уколошил кинжалом! —
Я точно в волшебное глянул стекло,
Прохваченный временем старым.

Я как-то хотел объясниться с баржой,
Со смертью, глядящей собором,
С химерой-метафорой, смертной водой —
Единственным словом, с которым
Сумел разойтись на мосту Сен-Мишель,
На мостик Менял засмотревшись.
Блуждающим взглядом ловя цитадель,
С какой-то подробностью спевшись,

Хотелось Бодлеру нелепый стишок
Оставить — забавный подарок,
В котором гуляет то сбивчивый слог,
То дактиль любви без помарок,
А то амфибрахий влезает, как тать,
Подстёгнутый не алкоголем.
И музы — давай стихотворцу шептать
И мучают счастьем, как горем.

ПАРИЖСКОЕ

Под огромным билбордом Сезанна — играет оркестрик,
Африканцы танцуют с оттягом горячую самбу.
Неленивое солнце — локального счастья предвестник —
Добродушный Творец подключил
Неустановленную лампу.

Под громадным билбордом и мы эту жизнь погуляем,
Смерти нет этим грушам и персикам алым и жёлтым,
В красных красках фанатика: в яблоке Бога узнаем,
Не расплачемся флейтой, аккордом
Затянемся твёрдым.

Сильно тубу врубили, придали ей гулкости эти,
Раскрутившие музыку, старые лабухи Сены,
С этим «мокрым» кларнетом готов подтвердить, что на свете
Нет и не было смерти, и все мы
Сезанном нетленны.

Эта музыка так раскатилась под ярким билбордом,
Открывая любовь и цветение слив на картине,
И щемящая нота плывёт над курильщиком бодрым,
Что колечки «Житана» пускает
Теплеющей сини.

Постоим на мосту Сольферино, пока валторнисты
Окунаются в коду, в последнюю музыку флейты,
Мы и сами по жизни — к закату её — анархисты.
Камарады. Кенты. Сотоварищи.
Лучшие френды.

Постоим на мосту в простоте окончательной, что нам
Остаётся в столице, где смерть по Сезанну сменяли
На знакомые сливы, на вечные вазы с крушоном...
Под счастливым билбордом мы сами
Нетленными стали.

ДЕВУШКА С СТАТУИРОВКОЙ ДРАКОНА

В парке Чаир распускаются розы...

Павел Арский

Красный дракон и зелёные змеи любви —
Это я видел, когда попадал в твоё пламя...
Хочешь — гадай по иероглифам, хочешь — язви,
Как научила тебя азиатская мама?

Девушка в ярко-зелёном, как чай в чайхане,
С музыкой из Поднебесной — январское диво
В твёрдой Москве, в изумрудном и синем огне
Бьющих реклам... На закуску тайваньская слива

И карамбола экзотикой тает во рту.
Сколько любви вырастает в округе Тайбэя?
В белой постели не спутать твою наготу:
Делала нежно, и делала *нечто*, смелея...

Я бы поплыл за тобой по реке Сюгулан
Мимо бамбука, тайваньской сосны, эвкалипта,
Выпей, подруга, проклятый московский обман:
Линия счастья — от эроса до недосыпа.

Остров Тайвань обнимаю не раз и не два:
Тай или *вань* я твоими глазами увижу?
Где-то к рассвету густеет в предгорьях трава,
Солнце ласкает какую-то ветхую крышу...

В парке Тайчжун (в сновидении) я окажусь,
Что мы вдвоём натворим в этих скрытых беседках!
Сколько подарков вручу я дракону. И — пусть.
Птицу счастливого Будды примечу на ветках.

Так ты врасплох сновиденьем забрала меня,
Жёлтый Тайвань — Гумилёва неспетая песня!
В жирной Москве нам хватает по горло огня,
Линия жизни — от эроса до поднебесья.

Линия в полночь — зелёные змеи любви,
В парке Тайчжун распускаются розы? — промашка.
Хочешь — гадай по иероглифам, хочешь — язви,
Женщина из... Недопита последняя чашка.

Хочешь, тебе расскажу, кто такой Гумилёв?
Хочешь, целуй нараспашку от рая до ада.
...Так вдохновенье плывёт от твоих берегов
Древнекитайского сада.

ДА-ДЖЕУ*

Этот край хунхуз называл Да-джеу,
Находили золото дикари.
Дулось в дудку... Думалось — захирею
В комарином мороке... Корабли
Сновиденьями оживали. Якорь
Поднимал трёхмачтовый... Помню, что
На прощанье мне говорил оракул,

* Одно из китайских названий острова Сахалин.

Возникая в воздухе как никто...
Разливалась Лангери песней рыбы,
И шаман над травами ворожил.
И такие тут сочинялись клипы,
Ну не клипы, а — фантастичный мир.
Этот мир легко долетал до сопок
И стекал в сгущённую синеву,
И плескался допинг под массой пробок,
И качалась музыка наяву,
Уплывая лодками на закате,
Растекаясь волнами по всему
Океану-моря, который в хладе
Принимал с небес золотую тьму,
От которой шаг... и ещё на стопку
То ли смеха пьяного, то ли что...
Да косится тень, закрывает сопку,
Как кулисы быстрое шапито.
...Не пропал. Другие миры руками
Обнимаю, глажу, рифмую свет.
Не к тебе, оракул, скорее к маме,
Обращаюсь к маме, которой нет.

СЕВЕРНЫЕ ВОРОТА

Щекастый гномик музыку корпит:
У дудочки бамбуковой везенье...
Какой опять невидимый пиит
Вышёптывает мне стихотворенье?
В четвёртый раз затягивает снег,
С подземным сочинителем не споря, —
Который где? Который — саундтрек
Фантазий холоднеющего моря?
В четвёртый раз заваливает снег,
По буквочке становится счастливо:
Я слышу твой с иголочками смех,
Я вижу свет... Я вру неторопливо...
В четвёртый раз у Северных Ворот
Маяк захвачен действием небесным,
Приговорён буксирный пароход
Бессмертием? — безмолвием воскресным.
В четвёртый раз шарманку крутит снег,
Расплещем жизнь в слабеющее небо,
Я слышу твой с изюминкою смех
У маяка, смотрящего налево.

...Текут слова, за музыкой плывут
Смятием приправленные крыши,
Неместный ангел? Гномиков приют?
Светильник зажигает кто-то выше...

Ладно, ладно, детки, дайте только срок,
Будет вам и белка, будет и свисток!

Алексей Плещеев

Цвета манго и мускатной дыни
Снился остров. Снились острова.
Снилась жизнь таких авиалиний,
От которой лучшая халва
И во рту, и на большой тарелке,
Только вот тарелка эта где?
Я проснулся. Ни свистка, ни белки...
Только осень старая везде.

Тончайший шорох листьев... Скоро нам
Невидимый опустит осень... Осень
Уже дохнула музыку ветрам,
Две стрелочки свела на цифре восемь.
К замостью фиолетовая мгла
Спешит на крыльях ангелов и птичек.
Ты теплоту легко с собой взяла,
Как несколько живительных страничек,
В которых ты так обольщала, что
Всё становилось образным и скрытым:
Закат стоял в костюмчике бордо,
Вышёптывал то музам, то харитам,
Которым было не до нас. Звезда
Выглядывала с дикостью такою,
Что нагота светилась без стыда
По Модильяни: белою рекою,
Темнея треугольником волос,
В молчании, которого хватало
На темноту, на летний дождик слёз,
На горний свет мажорного хорала,
Живущего в голландском сидюке,
Как гномики в дремучем подземелье,

На светик в постаревшем ночнике
И коду меланхолика Корелли,
Который — листья, шорохи, слова
Не Самого, так ангелов и птичек...
На ноготок везения — сперва,
Потом — на холод бархатных ресничек.

ПОЛНОЛУНИЕ

...большой Красный дракон с семью головами
и десятью рогами, и на головах его
семь диадем...

Откровение Иоанна Богослова

Зимой он смотрит, как змеей зима
Затягивает раны переулка,
И белый колер напрягает тьма,
И крепкий ветер голосом придурка
О смерти говорит, с которой жизнь
Так корешит, как панночка с гробами.
Он смотрит с 19-го вниз:
Весь снежный двор заполнен мертвцами
И полумертвцами: дышат, а?
Где неотложка с дошлым айболитом?
Из мира параллельного сюда,
По курсу каббалистики, транзитом
Влетают те, кто молятся ему —
Полмира разводящему дракону,
И засевают мандрагорой тьму,
И посылают к речнику Харону.
...Он впитывает темень, как сюжет:
Огромный шар, в котором скорпионы,
Клубок из чудищ недоступных недр,
И — ряд второй — когтистые грифоны.
Он долго смотрит... становясь другим,
Нанизывая глюки полнолуныя,
И будто кто-то говорит над ним —
Смеётся в чёрном тощая колдунья?
Морана в тёмном, бабушка с клюкой?
Он шепчет заклинания, и монстры
Бегут в Полтаву быстрою рекой
К приспешникам уездной коза ностры.
И — остаются мальчик и старик
В одном флаконе, правильнее — в теле,
В котором жизнь смертельнее, чем стих,
В котором смерть привычнее свирели.